

Жиль Фаварель-Гарриг

ведущий научный сотрудник

Национального центра научных исследований,

г. Париж, Франция

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

В этой статье представлена позиция, согласно которой борьба с коррупцией является самостоятельной социальной проблемой, не связанной напрямую с проблемой коррупции как таковой. Организация антикоррупционных мероприятий позволяет определить приоритеты, распределить полномочия и выделить средства, являющиеся важными ресурсами для тех, в чьем распоряжении они оказываются. Существуют два типа таких ресурсов: конкурентные политические ресурсы, связанные с антикоррупционной политикой, и те ресурсы, которые борьба с коррупцией представляет для специализации в недрах гражданского общества. Опираясь на сравнительно-аналитический и конструктивистский подходы, автор использует исследования, затрагивающие преимущественно коррупционные практики в политических системах, чаще всего определяемых как авторитарные. Основная задача – показать, что центральной проблемой, которую создает противодействие коррупции, является формирование «фабрик скандалов», нацеленных на разоблачения, затрагивающие политических, административных и экономических должностных лиц.

В статье на сравнительном материале прослеживается, каким образом антикоррупционный тренд используется политическими элитами для борьбы с конкурентами, а оппозицией – для легитимации собственной деятельности. Проанализированы три основных типа профессионального использования антикоррупционной деятельности как инструмента построения политической карьеры или развития политических противостояний: «честные правоохранители», «макрекеры» и борцы за справедливость, оснащенные новыми информационными технологиями. Представлена интерпретация антикоррупционной борьбы с позиций социологии скандалов, намечены основные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, оппозиция, социология скандалов.

Борьба с коррупцией может рассматриваться как совокупность норм, институтов и профессиональных практик, вызванных социальной проблемой, которую представляет собой

коррупция. Аморальность коррупционного поведения предполагает его единогласное осуждение. В отличие от многих других мер, направленных на борьбу с преступностью, – например, от противодействия распространению наркотиков – антикоррупционные меры встречают всенародную поддержку, что должно вести к их деполитизации. Действия, осуществляемые в рамках антикоррупционной политики, претендуют на научное обоснование (Krastev 2004), объективируясь через «лучшие практики», перенимаемые одними странами у других (Andreas, Nadelmann 2006; Favarel-Garrigues 2009). На международном уровне противодействие коррупции начинает развиваться в 1990-х гг., позиционируя себя как ответ на разочарование граждан в отношении коррумпированных элит; в эту политику включаются не только органы государственной власти, но и частные предприятия и некоммерческие организации. Оправдание используемых методов борьбы обычно сводится к тому, что в случае отсутствия ожидаемого результата вина за неудачу возлагается либо на правящие элиты, которые стремятся защитить свои интересы, либо на недостаточное рвение исполнителей. Однако подобный взгляд не дает объяснения тому, почему государства, считающиеся весьма коррумпированными, такие как, например, Китай, парадоксальным образом лидируют и в сфере антикоррупционных репрессий (Fu 2015; Zhu, Zhang 2017).

В этой статье мы обосновываем позицию, согласно которой борьба с коррупцией является самостоятельной социальной проблемой, не связанной напрямую с проблемой коррупции как таковой. Организация антикоррупционных мероприятий (Sampson 2005, Sampson 2010) позволяет определить приоритеты, распределить полномочия и выделить средства, являющиеся важными ресурсами для тех, в чьем распоряжении они оказываются. Мы хотели бы остановиться на двух типах таких ресурсов: конкурентные политические ресурсы, связанные с антикоррупционной политикой, и те ресурсы, которые борьба с коррупцией представляет для специализации в недрах гражданского общества. Опираясь на сравнительные данные и конструктивистский подход, мы будем использовать исследования, затрагивающие преимущественно коррупционные практики в политических системах, чаще всего определяемых как авторитарные. Основная задача — показать, что центральной

проблемой, которую создает противодействие коррупции, является формирование «фабрик скандалов», нацеленных на разоблачения, затрагивающие политических, административных и экономических должностных лиц.

Борьба с коррупцией как оружие политической борьбы. В политических системах с невысоким уровнем соревновательности борьба с коррупцией способствует обновлению политических и административных элит. Она является способом одновременно и усилить лояльность сторонников, и устранить потенциальных противников. Эта базовая гипотеза, касающаяся стратегического использования антикоррупционной политики, была, в частности, сформулирована на материале кампаний по борьбе с коррупцией в Советском Союзе (Holmes 1993), а также в современном Китае (Zhu, Zhang 2017), Руанде и в Южной Корее (Hollyer, Wantchekon 2015). Актуальность проблематики может быть проиллюстрирована и ведущейся с 2015 г. под руководством Президента Мохаммаду Бухари войной против коррупции в Нигерии. Примеры этих стран показывают, что угроза уголовного преследования дает возможность кооптировать кого-то в состав элит или исключить из него. Кэтрин Хендли, говоря в своих работах о некоторых скандальных процессах в России, определяет такую практику, как «верховенство по закону», в противовес «верховенству закона», характерному для обычных судебных дел (Hendley 2009). Борьба с коррупцией выступает здесь как реализация монополии на легитимное насилие, направленной на дисциплинирование элит.

Это оружие тем эффективнее, чем жестче антикоррупционные санкции. Парадокс борьбы с коррупцией в разных странах заключается в том, что лидирующие в этой сфере государства призывают ориентироваться на результаты и избегать показухи, но сами при этом воздерживаются от суровых наказаний в отношении людей, обвиняемых в коррупции. Это можно рассматривать как отражение неопределенности, с которой антикоррупционная политика постоянно сталкивается: какие именно результаты считать наилучшими? Это должна быть судебная статистика или оценка профилактического воздействия? (Favarel-Garrigues 2009). Подобная неопределенность в борьбе против «грязных» денег объясняется тем, что в этой сфере вынуждены вступать в диалог представители чрезвычайно различающихся

групп: высокопоставленные чиновники экономических и финансовых служб, сотрудники правоохранительных органов и системы правосудия, представители частного сектора и, в некоторых случаях, НКО. Поскольку тут очень сложно добиться консенсуса в отношении того, какое наказание за коррупцию будет справедливым, масштаб санкций определяется прежде всего на уровне национального законодательства. Несмотря на активные попытки стандартизации этих мер на международном уровне, формулировка целей антикоррупционной политики и оценка ее результатов существенно варьируются в зависимости от контекста (Favarel-Garrigues, Godefroy, Lascoumes 2009). В странах Запада судебная статистика по коррупционным делам, как правило, очень скромная, что дает основания оппозиции обвинять правящую элиту в попустительстве и безнаказанности. Даже с учетом того, что строгое сравнение здесь затруднено (наказания существенно различаются), мы можем оценить сравнительный масштаб. Во Франции в 2016 г. по коррупционным обвинениям были осуждены 253 человека; 165 из них приговорены к лишению свободы, в том числе 80% – условно¹. В России в 2014 г. из 11 000 осужденных за коррупцию только 20% избежали тюрьмы². Наиболее громкие российские процессы 2017–2018 гг., где обвиняемыми были министры или губернаторы, показывают, что санкции могут быть очень суровыми. Следовательно, угроза уголовного преследования здесь гораздо более ощутима, чем в странах Запада.

Оппозиция также может использовать борьбу против коррупции как оружие – либо для ослабления политических противников, находящихся у власти, либо для самозащиты в случаях, когда ее представители сами становятся жертвами уголовного преследования. Первый вариант может быть проиллюстрирован многочисленными примерами – такими, как обвинения, адресованные Алексеем Навальным премьер-министру Дмитрию Медведеву в марте 2017 г., за год до президентских выборов. В качестве второго варианта, когда оппозиционер представляет себя как жертву несправедливости, можно привести пример Жана-Люка Меланшона, парламентского

¹ URL: https://www.economie.gouv.fr/files/files/directions_services/afa/Rapport_annuel_-_22_mai_2018.pdf

² URL: <https://tass.ru/info/2379115>

депутата и лидера левой оппозиции во Франции. 16.10.2018 г. были проведены обыски в помещениях оппозиционной партии «Непокорная Франция» и в доме ее лидера, депутата Жан-Люка Меланшона, в рамках расследования по обвинению в фиктивном найме сотрудников. Меланшон тут же выступил с заявлением, где назвал обыски «актом политического преследования», организованным исполнительной властью для того, чтобы заставить его замолчать. Тем самым он хочет сказать, что правительство использует антикоррупционные меры выборочно.

Оба приведенных примера вполне вписываются в тематику прагматической социологии, уделяющей особое внимание проблеме скандалов (Boltanski et al. 2007). Скандал предполагает наличие публики, которая, независимо от своей численности, выражает негодование по поводу открывшихся нелицеприятных фактов. Траектории развития скандала могут различаться; одна из них – превращение скандала в громкое дело. Это происходит в тех случаях, когда после публикации спровоцировавших скандал фактов сталкиваются два разных их изложения, так что обвинитель для части общества превращается в обвиняемого. Вероятность превращения скандала в громкое дело зависит от ресурсов, которыми обладают обвиняемый и обвинитель: доступ к компрометирующей информации, меняющей восприятие первоначального обвинения, способность распространять эту информацию и убедить публику в ее достоверности определяются социальным статусом обвиняемого и контекстом, в котором развивается скандал (Blic, Lemieux 2005).

Борьба с коррупцией как ресурс для гражданского общества. В отличие от многих других мер уголовного преследования, в борьбе с коррупцией, как предполагается, необходимо опираться на тесное сотрудничество органов власти и гражданского общества (Eigen 2003). Общественные организации должны требовать отчета у выборных политиков на местах и осуществлять контроль в отношении использования бюджетных средств и неподкупности должностных лиц. Признание важной роли гражданского общества в антикоррупционной политике, несмотря на расплывчатость данного положения, становится основанием для предоставления существенных ресурсов, что, в свою очередь, ведет к двум основным следствиям.

Первое заключается в том, что создаются общественные организации или иные структуры, ориентированные преимущественно на поиск грантов. Это, в частности, было характерно для стран Восточной и Центральной Европы и для постсоветского пространства на рубеже 2000-х гг. (Krastev 2004; Sampson 2005). Логика проектного финансирования вынуждает этих акторов приобретать соответствующие компетенции и специализироваться в данной сфере для привлечения средств. Так, включение антикоррупционных мер в публичную повестку как обязательное условие вступления Болгарии в ЕС создало многочисленные возможности получения доходов за счет разоблачения незаконного обогащения, будь то в отношении представителей политики, судебной системы или СМИ (Ragaru 2009).

С другой стороны, реализация антикоррупционной политики влечет за собой появление борцов за справедливость в этой области, «рыцарей в белых одеждах» (Lascoumes 1999; Mattina et al. 2018), «борцов за правду» («*integrity warriors*») (Sampson 2010), которые используют коррупционную проблематику в карьерных целях. Эти «торговцы этикой» (Becker 1963) играют ключевую роль в антикоррупционных скандалах и в выдвинутых публичных обвинениях, связанных с этичностью действий элит и высших чиновников (Thompson 2000).

С позиций социологического анализа можно выделить три типа таких борцов за справедливость в рамках антикоррупционной проблематики.

Первый тип – это честный судья или прокурор, ведущий борьбу против коррумпированных политиков: самый распространенный типаж во Франции, в Италии, в Советском Союзе и в Бразилии. Данные олицетворения неподкупности поддерживают устойчивый образ независимости судебной власти или прокуратуры; пример подобного рода – Лаура Кодруца Ковеши, главный прокурор румынской антикоррупционной службы в 2013–2018 гг., утверждающая, что за эти годы возбудила дела в отношении 3000 политиков и чиновников. В конечном счете она была отправлена в отставку в 2018 г., будучи столь же популярной, сколь и ненавидимой частью политических элит. Беспристрастность «рыцарей в белых одеждах» вызывает, в зависимости от ситуации, более или менее серьезные сомнения: так, в 1999 г. Генерального прокурора РФ Юрия Скуратова, ведущего

в ту пору несколько расследований, затрагивавших президентское окружение, обвинили в том, что он действует в интересах конкурирующей властной группировки. Скандал, который пытался спровоцировать Скуратов, трансформировался в сложную игру взаимных обвинений, еще больше запутывающих публику. В некоторых случаях неподкупный судья или следователь сам оказывается в роли осужденного: сотрудник федеральной полиции Бразилии Ньютон Ишии, один из героев антикоррупционной кампании 2015–2016 гг., был осужден в 2016 г. на четыре года лишения свободы за способность контрабанде в период своей работы на таможне. Часто эти люди пытаются, с переменным успехом, заняться политикой, например Ева Жоли, французский прокурор, занимавшаяся делом корпорации *Elf*, или Антонио ди Петро, один из судей, участвовавших в итальянской кампании «Чистые руки», или Тельман Гдлян в СССР. Сержиу Мору – «бразильский Эллиот Несс», проводивший в качестве федерального судьи масштабное расследование, результатом которого стало, в частности, осуждение бывшего бразильского президента к 12 годам лишения свободы, был назначен в ноябре 2018 г. министром юстиции в правительстве, сформированном Жаиром Болсонару.

Второй тип – бесстрашные «макрекеры»; данный термин был принят в США в конце XIX в. для обозначения журналистов, расследующих дела, связанные с коррупцией и клиентелизмом. Классической иллюстрацией для этого типа является Линкольн Стеффенс, автор статьи «О позоре для двух городов», опубликованной в журнале Макклюра (*McClur's*) в 1895 г. Именно на подобных расследованиях построены стратегии скандализации (Thompson 2000), которые можно встретить в самых разных контекстах. Примером может служить и ганский журналист, известный своими антикоррупционными расследованиями с 2000-х гг., Анас Аремейау Анас, или просто Анас: сохраняя анонимность, он воплощает собой образ борца за справедливость в маске, получившего международное признание. Во Франции в этой же роли прославился журналист Дени Робер, разоблачивший в начале 2000-х гг. люксембургское клиринговое агентство *Clearstream*, обеспечивавшее своим клиентам сокрытие следов международных финансовых транзакций. Два известных события, произошедшие в 2017–2018 гг. в странах ЕС,

показывают, что занимающиеся этой проблематикой журналисты могут сталкиваться с серьезными угрозами. Пятидесяти-трехлетняя мальтийская журналистка и блогер Дафна Гаруана Галиция была убита в октябре 2017 г., что вызвало масштабное негодование как в стране, так и на международном уровне. В Словакии молодой журналист-расследователь Ян Куцьяк убит вместе со своей подругой в феврале 2018 г. Убийство вызвало огромный общественный резонанс, акции протеста и, в конечном счете, отставку главы словацкого правительства.

Как и в случае с судьями и прокурорами, независимость журналистов такого рода всегда остается под сомнением («на кого он работает?»). В частности, возникает вопрос о том, откуда журналисты получают информацию о коррупционных преступлениях. Их связь с спецслужбами зачастую очевидна, что отсылает нас к проблеме скрытых противостояний между конкурирующими правоохрнительными структурами. Так, во Франции директор службы финансовой разведки *Tracfin* был отправлен в отставку в 2008 г. в связи с тем, что долго затягивал начало расследования по делу о злоупотреблениях в пенсионном фонде Союза предпринимателей металлургической промышленности. В России первые макрееры, специализирующиеся на коррупционных темах, появляются в эпоху гласности, оказываясь в самом центре политических конфликтов 1990-х гг. В 2000-х гг. возникает типаж макреера, встроенного в систему политических интересов и подчиненного ей, как показывает карьерный путь Александра Хинштейна, на пересечении журналистики, политики и деятельности спецслужб.

Третий тип борцов за справедливость складывается с развитием новых технологий. Речь идет о политических активистах, становящихся экспертами в области средств выявления коррупции или средств распространения информации о ней. Представители этого типа могут действовать от имени общественных организаций (например, Питер Эйджен и фонд *Transparency International*) либо в индивидуальном качестве, как в случае с авторами «Панамского досье» или с разоблачениями, касающимися швейцарского банка *UBS*. Источником разоблачений могут быть как раздосадованные инсайдеры, так и внешние заинтересованные лица, получившие доступ к разоблачительной информации. Фигура Алексея Навального,

относящегося к этой категории, достаточно необычна в трех отношениях. Во-первых, этот «виртуальный Бэтмен» (Воронков 2011) в момент старта в 2010 г. проекта «Роспил», направленного на обеспечение открытости для гражданского общества данных об использовании бюджетных средств, не обладает какими-то специальными компетенциями. Во-вторых, опираясь на открытые данные и выявляя возможности для коррупции и казнокрадства в официально публикуемых сведениях о государственных закупках, он не нуждается для изобличения коррупции в доступе к какой-либо секретной информации – по крайней мере, в рамках проекта «Роспил». Наконец, используя для медиатизации своей деятельности новые технологии, он обходит таким образом ограничения, связанные с невозможностью представить позитивное отражение своих расследований в традиционных СМИ. Тем не менее техническая инновационность не гарантирует легкое производство скандалов, особенно в современном российском контексте: профессиональный разоблачитель коррупции сталкивается с контробвинениями и скандал превращается в громкое дело, когда сам обвинитель становится в 2013 г. осужденным за нецелевое использование средств в период, когда он был советником губернатора Кировской области.

Этот предварительный анализ политического использования борьбы с коррупцией требует, конечно, дальнейшего развития с использованием более строгой методологии. Между тем кросс-национальное сравнение типов борцов с коррупцией и результатов их разоблачений позволяет сформулировать общую гипотезу, вдохновленную социологией скандалов. Чем менее плюралистским является политический режим, тем сильнее он стремится к монополизации производства скандалов и к их трансформации в громкие дела. Эта стратегия, направленная на неконкурентное осуществление принуждения, опирается на контроль над правосудием, средствами массовой информации и спецслужбами. Если в России девяностых политические столкновения характеризуются широкими возможностями производить скандалы и громкие дела, как говорит об этом само выражение «война компроматов», то последующее десятилетие демонстрирует стремление правительства и президентской власти усилить лояльность элит за счет воздействия

на значимые судебные решения, а также контроля над источниками антикоррупционной информации и средствами ее распространения, то есть над спецслужбами и традиционными средствами массовой информации.

Материал поступил в редколлегию 15.11.2018 г.

Перевод с французского Я.Ю. Старцева¹

Translated from French by Ya. Startsev²

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воронков К. 2011. Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров. М. : Эксмо. 224 с.

Andreas P., Nadelmann E. 2006. Policing the Globe: Criminalization and Crime Control in International Relations. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press. 333 p.

Becker H. 1963. Outsiders. Studies in Sociology of Deviance. London : The Free Press of Glencoe. 179 p.

Blic D. de, Lemieux C. 2005. Le scandale comme épreuve // Politix. № 71. P. 9-38. DOI: 10.3917/pox.071.0009

Boltanski L. et al. 2007. Affaires, scandales et grandes causes. De Socrate à Pinochet / L. Boltanski, E. Claverie, N. Offenstadt et St. Van Damme (dir.). Paris : Stock. 457 p.

Eigen P. 2013. International Corruption: Organized Civil Society for Better Global Governance // Social Research. Vol. 80, № 4. P. 1287-1308.

Favarel-Garrigues G. (ed.) 2009. La lutte anticorruption, de l'unanimité internationale aux priorités intérieures / ed. G. Favarel-Garrigues. Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence. 432 p. (Droit et Société ; vol. 72, № 2).

Favarel-Garrigues G., Godefroy T., Lascoumes P. 2009. Les sentinelles de l'argent sale. Les banques aux prises avec l'antiblanchiment. Paris : La Découverte. 311 p.

Fu H. 2015. Wielding the sword: President Xi's new anti-corruption campaign // Greed, corruption, and the modern state / ed. by S. Rose-Ackerman, P. Lagunes. Cheltenham, UK : Edward Elgar. P. 134-157.

Gillespie K., Okruhlik G. 1991. The political dimensions of corruption cleanups: A framework for analysis // Comparative Politics. № 24. P. 77-95.

Gupta A. 1995. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics and the imagined state // American Ethnologist. № 22. P. 375-402.

Harrison E. 2006. Unpacking the Anti-corruption Agenda: Dilemmas for Anthropologists // Oxford Development Studies. Vol. 34, № 1. P. 15-29.

¹ Старцев Ярослав Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: y.startsev@gmail.com

² Yaroslav Yu. Startsev, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: y.startsev@gmail.com

Hendley K. 2009. "Telephone Law" and the "Rule of Law": The Russian Case // Hague Journal on the Rule of Law. Vol. 1, N° 2. P. 241-262.

Hindess B. 2009. Anti-Corruption as a Risk to Democracy: On the Unintended Consequences of International Anti-Corruption Campaigns // Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors / ed. by L. de Sousa, P. Larmour and B. Hindess. New York : Routledge. P. 168-186.

Hollyer J.R., Wantchekon L. 2015. Corruption and ideology in autocracies // Journal of Law, Economics, and Organization. N° 31. P. 499-533.

Holmes L. 1993. The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis. New York : Oxford Univ. Press. 358 p.

Krastev I. 2004. Shifting obsessions: three essays on the politics of anticorruption. Budapest : Central European Univ. Press. 118 p.

Lascoumes P. 1999. Corruptions. Paris : Presses de la Fondation nationale des sciences politiques. 163 p.

Mattina C. et al. (eds.) 2018. Dénoncer la corruption : chevaliers blancs, pamphlétaires et promoteurs de la transparence à l'époque contemporaine / sous la direction de C. Mattina, F. Monier, O. Dard et J.I. Engels. Paris : Demopolis. 382 p.

Ragaru N. 2009. Usages et force instituante de la lutte anticorruption en Bulgarie: l'affaire Toplofikacija // La lutte anticorruption, de l'unanimité internationale aux priorités intérieures / ed. G. Favarel-Garrigues. Paris : Librairie generale de droit et de jurisprudence. P. 303-322. (Droit et Société ; vol. 72, N° 2).

Sampson S. 2005. Integrity warriors: global morality and the anticorruption movement in the Balkans // Corruption: Anthropological Perspectives / eds. by C. Shore and D. Haller. London ; Ann Arbor, MI : Pluto. P. 103-130.

Sampson S. 2010. The anti-corruption industry: from movement to institution // Global Crime. Vol. 11, N° 2. P. 261-278.

Sousa L. de, Larmour P., Hindess B. (eds.) 2009. Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors / ed. by L. de Sousa, P. Larmour and B. Hindess. New York : Routledge. 241 p.

Thompson J.B. 2000. Political Scandal : Power and Visibility in the Media Age. Cambridge : Polity Press ; Malden, MA : Blackwell. 324 p.

Zhu J., Zhang D. 2017. Weapons of the Powerful: Authoritarian Elite Competition and Politicized Anticorruption in China // Comparative Political Studies. Vol. 50, N° 9. P. 1186-1220. DOI: 10.1177/0010414016672234.

ANTI-CORRUPTION AS SOCIAL PROBLEM

Gilles Favarel-Garrigues, senior researcher, CNRS, Paris.

Abstract. This article presents the position that the fight against corruption is an independent social problem not directly related to the problem of corruption as such. The production of anti-corruption measures allows the one to define priorities, distribute powers, and allocate funds that

are important resources for those who have them at their disposal. There are two types of such resources: competitive political resources associated with anti-corruption policies, and those resources that the fight against corruption represents for specialization in the depths of civil society. Based on comparative data and a constructivist approach, analysis uses studies that affect mainly corrupt practices in political systems most often defined as authoritarian. The main task is to show that the central problem, which anti-corruption creates, is the formation of “scandal factories” aimed at exposing political, administrative and economic officials. Based on comparative material, the article shows how the anti-corruption struggle is used by political elites to fight competitors, and the opposition – to legitimize its own activities. Three main types of professional use of anti-corruption activities as an instrument for building political careers or developing political confrontations are analyzed: “honest law enforcement officers”, “makrekeri”, and fighters for justice equipped with new information technologies. An interpretation of the anti-corruption struggle from the standpoint of the sociology of scandals is presented; the main directions for further research are outlined.

Keywords: corruption; anti-corruption; opposition; sociology of scandals; civil society.

References

- Andreas P., Nadelmann E. *Policing the Globe: Criminalization and Crime Control in International Relations*, Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 333 p.
- Becker H. *Outsiders. Studies in Sociology of Deviance*, London, The Free Press of Glencoe, 1963, 179 p.
- Blic D. de, Lemieux C. *Le scandale comme épreuve* [The Scandal as Test: Elements of Pragmatic Sociology], *Politix*, 2005, no. 71, pp. 9-38. DOI: 10.3917/pox.071.0009 (in French).
- Boltanski L., Claverie E., Offenstadt N., Van Damme St. *Affaires, scandales et grandes causes. De Socrate à Pinochet*, Paris, Stock, 2007, 457 p.
- Eigen P. International Corruption: Organized Civil Society for Better Global Governance, *Social Research*, 2013, vol. 80, no. 4, pp. 1287-1308.
- Favarel-Garrigues G. (ed.) *La lutte anticorruption, de l'unanimité internationale aux priorités intérieures* [The fight against corruption, from international unanimity to domestic priorities], Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 2009, 432 p. (Droit et Société, vol. 72, no. 2). (in French).
- Favarel-Garrigues G., Godefroy T., Lascoumes P. *Les sentinelles de l'argent sale. Les banques aux prises avec l'antiblanchiment* [The Sentinels of dirty money. Banks struggling with anti-money laundering], Paris, La Découverte, 2009, 311 p. (in French).
- Fu H. Wielding the sword: President Xi's new anti-corruption campaign, S. Rose-Ackerman, P. Lagunes (eds.) *Greed, corruption, and the modern state*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2015, pp. 134-157.
- Gillespie K., Okruhlik G. The political dimensions of corruption cleanups: A framework for analysis, *Comparative Politics*, 1991, no. 24, pp. 77-95.

Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics and the imagined state, *American Ethnologist*, 1995, no. 22, pp. 375-402.

Harrison E. Unpacking the Anti-corruption Agenda: Dilemmas for Anthropologists, *Oxford Development Studies*, 2006, vol. 34, no. 1, pp. 15-29.

Hendley K. "Telephone Law" and the "Rule of Law": The Russian Case, *Hague Journal on the Rule of Law*, 2009, vol. 1, no. 2, pp. 241-262.

Hindess B. Anti-Corruption as a Risk to Democracy: On the Unintended Consequences of International Anti-Corruption Campaigns, L. de Sousa, P. Larmour, B. Hindess (eds.) *Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors*, New York, Routledge, 2009, pp. 168-186.

Hollyer J.R., Wantchekon L. Corruption and ideology in autocracies, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 2015, no. 31, pp. 499-533.

Holmes L. *The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis*, New York, Oxford Univ. Press, 1993, 358 p.

Krastev I. *Shifting obsessions: three essays on the politics of anticorruption*, Budapest, Central European Univ. Press, 2004, 118 p.

Lascoumes P. *Corruptions* [Corruption], Paris, Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1999, 163 p. (in French).

Mattina C., Monier F., Dard O., Engels J.I. (eds.) *Dénoncer la corruption : chevaliers blancs, pamphlétaires et promoteurs de la transparence à l'époque contemporaine* [Denouncing corruption: White Knights, pundits and proponents of transparency in contemporary times], Paris, Demopolis, 2018, 382 p. (in French).

Ragaru N. *Usages et force instituante de la lutte anticorruption en Bulgarie: l'affaire Toplofikacija* [Usages and driving force of the fight against corruption in Bulgaria: the Toplofikacija case], G. Favarel-Garrigues (ed.) *La lutte anticorruption, de l'unanimité internationale aux priorités intérieures*, Paris, Librairie generale de droit et de jurisprudence, 2009, pp. 303-322. (Droit et Société ; vol. 72, N° 2). (in French).

Sampson S. Integrity warriors: global morality and the anticorruption movement in the Balkans, C. Shore, D. Haller (eds.) *Corruption: Anthropological Perspectives*, London, Ann Arbor, MI, Pluto, 2005, pp. 103-130.

Sampson S. The anti-corruption industry: from movement to institution, *Global Crime*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 261-278.

Sousa L. de, Larmour P., Hindess B. (eds.) *Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors*, New York, Routledge, 2009, 241 p.

Thompson J.B. *Political Scandal : Power and Visibility in the Media Age*, Cambridge, Polity Press, Malden, MA, Blackwell, 2000, 324 p.

Voronkov K. *Aleksey Naval'nyy. Groza zhulikov i vorov* [Alexei Navalny. Threatens crooks and thieves], Moscow, Eksmo, 2011, 224 p. (in Russ.).

Zhu J., Zhang D. Weapons of the Powerful: Authoritarian Elite Competition and Politicized Anticorruption in China, *Comparative Political Studies*, 2017, vol. 50, no. 9, pp. 1186-1220. DOI: 10.1177/0010414016672234.